

К.Д.Ушинский о значении Православия и православных обычаев для воспитания

Прошло полтора столетия со дня кончины К.Д.Ушинского, много перемен пережил русский народ, но труды Константина Дмитриевича нисколько не потеряли своей актуальности. Наверное, после потрясений, заблуждений и испытаний, которые выпали нашему народу, мысли великого педагога являются даже более своевременными, чем новомодные педагогические веяния.

Константин Дмитриевич Ушинский в своих трудах, особенно в статье «О нравственном элементе в русском воспитании»¹, очень ясно выражается по поводу того, на чём должно основываться воспитание человека, по меньшей мере в России. Воспитанный в русских православных традициях, изучивший различные европейские системы воспитания великий педагог убедительно показывает, что такой основой является истинно христианское воспитание, имеется в виду православное христианское воспитание.

Приведём пространные выдержки из упомянутой статьи. Пространные — для того, чтобы не исказить, а как можно точнее представить точку зрения автора и передать его сердечное отношение к тому, о чём он пишет.

На фоне различных либеральных, утопических, революционных брожений второй половины XIX века К.Д.Ушинский говорит совершенно определённо и уверенно, что не само по себе знание и образованность сделают человека и народ нравственными, а христианская вера: «Мы требуем, чтобы учитель русского языка, учитель истории и т. д. не только вбивали в голову своим ученикам факты своих наук, но развивали их умственно и нравственно. **Но на чём же может опираться нравственное развитие, если не на христианстве**».

Уже в XIX веке учёный видел значительный отрыв образования от жизни Церкви и семьи, считал это ошибкой и искал пути преодоления этого разрыва. «Мы считаем удобным выразить вообще желание, чтобы наше светское образование сблизилось с религиозным... Тогда только мы вправе будем ожидать плодovitого сближения между этими двумя сторонами русской жизни — между образованием и Церковью. Если этого сближения ещё не произошло, то в этом никак не виноваты основания

---

³⁹ Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 2. Педагогические статьи 1857–1861 гг. — М., Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. — С. 425–488.

православной религии, потому что **православие есть единственная религия, представляющая все условия для такого движения».**

К. Д. Ушинский трезво, очень реально понимал, что тот образ системы образования и воспитания, который он прозревал, трудно достижим. Но несокрушимая вера в огромные возможности русского народа подвигала его на жертвенные труды по разработке концепции русского образования и его учебно-методического обеспечения. Отмечая религиозность народа, Константин Дмитриевич вполне понимал, что большей частью она (религиозность) имеет поверхностный характер, что потенциал воспитательного значения Церкви реализуется только в малой степени. Сейчас можно сказать то же самое. Однако он сосредоточил своё внимание не на критике, а на важности осознания и сохранения того, что есть ценного в народно-религиозной педагогике. Разумеется, для того, чтобы развить систему воспитания на этой основе.

«Эта религиозность, — пишет Ушинский, — редко, правда, бывает вполне сознательна, часто слишком придерживается формы, но тем не менее **глубоко западает в детское сердце** и иногда, пролежав в нём долго под разными туманными, ещё менее сознанными теориями и блестящими фразами, **пробуждается потом вновь с необыкновенной силой.** Понятно, что религия действует на ребёнка, равно как и на младенчество народ, более своими формами, чем своим высоким внутренним содержанием. Но если эти формы созданы во времена высочайшего христианского одушевления, то понятно также, что они не могут остаться без нравственного влияния на душу человека. **Всякий, получивший чисто русское воспитание, непременно отыщет в душе своей глубокие, неизгладимые впечатления множества церковных песен и священнодействий, службы Великого поста и Страстной недели, встречи Светлого Праздника, Рождества, Крещения и всех тех годовичных церковных торжеств и служб,** которые составляют эпохи в годовой жизни каждого чисто русского семейства».

Тонко подмечает Ушинский существенный недостаток в русской литературе своего времени (позднего Достоевского он не застал): «Наши писатели, посвящавшие перо своё описанию быта русского семейства, именно потому не достигали никогда своей цели, что по большей части пропускали этот религиозный элемент. Но даже описывая жизнь английского семейства, лучшие романисты Англии, оставаясь верными жизни, нередко заходят в церковь, на паперть, на погост; тогда как в торжествах английской церкви далеко нет той глубины и полноты, какие есть в торжествах [Церкви] нашей. **Вспоминая встречу Нового года, Диккенс рисует привлекательную семейную картину; но разве в этой встрече гражданского условного праздника есть что-нибудь подобное тем воспоминаниям, которые остаются в душе каждого русского человека,**

умеющего помнить и любить своё детство, от встречи Светлого Христова Воскресения?»

Не понаслышке знает Константин Дмитриевич, как живительно влияет на душу человека и как глубоко запечатлевается доброе влияние церковных служб, праздников и постов, семейных религиозных традиций, пережитых в детстве.

«Мы сохраняем, — пишет он, — отрадную уверенность, что многие из нас и теперь не могут без глубочайшего душевного удовольствия вспомнить о тех мирных, сияющих торжествах, о тех то грустных, то торжественных мотивах, которые Православная Церковь вносила в нашу родимую семью, и **мы желали бы, чтобы ни одно русское дитя не было лишено святого, отрадного воспитательного влияния Православной Церкви.** Поверьте, что никакими эгоистическими расчётами не исчерпать потребностей души человеческой, что много ещё есть в ней непостижных влияний и не вполне раскрытых чувств, которые долго ни одному психологу не удастся замкнуть в тесную рамку системы, и что именно из этих-то непостижимо глубоких тайников души человеческой рождаются и лучшие её побуждения, и величайшие помыслы, и благороднейшие деяния, и те произведения искусства и поэзии, которым дивится свет, не понимая, откуда они могли родиться. Как часто мы встречали безумные усилия завалить эти живительные родники, — встречали рядом с удивлением к тем произведениям, которые из них произошли. Посмотрите, откуда почерпнуты самые тёплые, самые лучшие страницы наших замечательнейших писателей; откуда вылились самые задушевные и трогательные страницы в произведениях Пушкина, Тургенева, Аксакова, Гоголя? Неужели из их общеевропейской, безличной образованности?»

Ушинский благотворное воспитательное влияние Церкви связывает с семьёй. В семье, через семью это влияние достигает тех самых тайников души человеческой, из которых рождается всё прекрасное и по-настоящему великое в русской культуре.

«Заметим при этом, между прочим, — пишет он, — что **раннее помещение детей в казённые учебные заведения, где всё совершается так формально, так безучастно, так официально, наносит величайший вред именно тем, что почти лишает силы все те воспитательные влияния, о которых мы сейчас говорили.** И если кому-нибудь из наших читателей покажется непонятным или даже выдуманным тот воспитательный элемент, который мы находим в нашей детской, религиозной, семейной жизни, то, вероятно, этот читатель имел несчастье провести свои детские годы в каких-нибудь детских казармах или быть воспитанным в искусственно придуманной сфере, которая настолько же в состоянии заменить выросшую в истории нашей русскую религиозную семью, насколько натопленная комната способна заменить для растения его родимый климат и его родимую почву».

Далее Константин Дмитриевич обращает внимание на то обстоятельство, что нравственное влияние Церкви часто не даёт плодов добрых характеров, добрых христианских дел. Причину этого он видит как в несоответствии христианскому образу жизни тех, кто воспитывает, так и в неверном направлении школьной системы образования, которая, вместо того чтобы основываться на православной церковной традиции, пытается конкурировать с ней или даже противостоять.

«Обряды нашей Православной Церкви имеют великое воспитательное влияние уже и потому, что они сами собою, без посредствующих объяснений, обнимают детскую душу святым религиозным чувством, настраивают её на возвышенный, торжественный лад. Но как часто случается, что практическая жизнь и её наставления ставят в душе русского человека какую-то непреодолимую стену между исполнением этих обрядов и основными, глубочайшими принципами его практической деятельности! Вот именно постройке этой-то гибельной стены, возможности этой раздвоенности в душе должны противодействовать как нравственные наставления духовных пастырей, так и нравственно-религиозное воспитание детей, в основание которого положены религия, наука и жизнь — проникшие друг в друга и составляющие одно целое. Но не видим ли мы очень часто, к сожалению, что даже у людей, на воспитание которых потрачено много забот, религиозные привычки и жизненные убеждения диаметрально противоположны друг другу? Не попадают ли у нас даже между образованными людьми такие, которые слова лжи, лести и злобы, выходящие из уст, считают ничтожным грехом в сравнении с куском скоромной пищи, входящей в уста?»

Великий педагог говорит о том, что в деле воспитания совершенно недопустимо лицемерие. Лицемерие воспитателей порождает чичиковых и других подобных «героев» сатирической литературы, вызывает к жизни образы зла. При этом К. Д. Ушинский понимает, что часто разлад между христианским званием и нехристианской жизнью бывает следствием не лицемерия, а поверхностного усвоения христианской веры. В последнем случае Ушинский считает, что дело образования и воспитания может помочь преодолению разлада. Для этого нужно, чтобы система воспитания не блуждала в поисках каких-либо оснований, а опиралась на то, что хранит и что исповедует Святая Православная Церковь.

«Но мы говорим здесь не о лицемерии, — пишет Ушинский, — а о том бессознательном раздвоении между исполнением христианских обрядов, с одной стороны, и вовсе не христианскими принципами жизни — с другой, которое встречается у нас на каждом шагу. Вот этому-то раздвоению должно противодействовать **истинно христианское воспитание**».

Труд Константина Дмитриевича Ушинского вдохновляет нас на жертвенное педагогическое служение, которое святитель Феофан Затворник называл самым святым из всех святых дел. Но главное — он подвигает нас на то, чтобы нелицемерно по-христиански жить.